

ИЗОБИЛИЕ КАК ШТУЧНАЯ ВЕЩЬ

(отредактированный вариант статьи опубликован в «Вещь.doc» № 11, 2006)

Слово «урожай» приходит на ум всегда, когда осматриваешься на сезонных и демисезонных (Весна/Осень) художественных выставках, узнавая в работниках всяческих искусств навыки людей почвы. Реалистичнейшие пейзажи или абстрактные композиции соответствуют отборным сортам садово-огородных культур в разных подсобных хозяйствах. Там, на деляночках (в мастерских), год за годом совершенствуется внешний вид и питательные качества этих плодов, с учетом прошедших дегустаций-распродаж. Налитая цветом живопись, зрелая скульптура, изобильная графика – во всем этом виден опыт селекционеров, пестовавших своих любимцев и доведших их экстерьер до выставочных параметров. Даже неудачи не останавливают увлеченных создателей – хоть и вяленькие цветочки-фруктики (ох, извините, – натюрморты!), но – свои, родные, желанные. Однако здесь кроется противоречие, мешающее окончательно слиться осенней выставке союзных художников с осенней ярмаркой отечественных фермеров. Всё же – мы ценим в искусстве уникальность, единичность, несхожесть. Эксклюзив оптом не поставляют, а урожайность и плодовитость подразумевает множественность продукта, ценность его «цифровых эффектов». И вот, уже вне упомянутых выставок, находим мы тех творцов, которые, как пророчил Александр Блок, любят «всё – и жар холодных числ, и дар божественных видений». Они создают уникам при помощи штамповки-массовки, собирают шедевр из тьмы типовых элементов, и позволяют количеству подобных деталей стать бесподобным качеством целого. В общем, те, кто, как говорила Мышь Соня девочке Алисе, рисует множество. – Множество чего? – А ничего, просто множество!

Известным энтузиастом количественной стороны вопроса был знаменитый Энди Уорхол, и в этом он не отделял искусство от жизни. Чуть ли не каждый уик-энд он закупал на распродажах сотнями заурядные предметы типа зеркальце-«маргаритка» или кастрюлька в форме свинки. Его «Серебряная фабрика» поставила производство нового искусства – поп-арта – на конвейер, и сам Уорхол работал под девизом «Я хочу быть машиной», используя (считавшуюся ранее низкопробной) тиражную технологию – шелкографию. Картины буквально делались по трафарету, а внедренная на территорию искусства идеология потребления убеждала, что 20 портретов Мэрилин Монро в двадцать раз лучше и дороже, чем одно ее изображение.



Чувство, что снова оказался в школьном классе или библиотеке, возникает от 48-ми портретов Герхарда Рихтера, созданных в 1972г. Выдающиеся ученые, композиторы, философы – фотоизображения собраны в некий пантеон, который создает ощущение невозможности диалога с великими – либо они не догадываются о вашем существовании, либо вы равнодушны к их величию. История этого дидактичного произведения имеет живое продолжение. Подстегнутый высказыванием известной феминистки, возмущившейся изображением на портретах лишь мужчин, Готфрид Хельнвайн почти двадцать лет спустя сделал контр-проект – 48 женских портретов, среди которых оказалась и поп-звезда Тина Тернер и Милева Эйнштейн, первая жена великого физика.



(фото Антон Успенский)

Портретные галереи исполнялись трудолюбивыми немецкими художниками вручную, и рукодельность добавляет мульти-искусству особый «защитный слой» – автора не обвинишь в лени и праздности. К таким же трудягам относится Томас Вирних, заполнивший свой «Бельгийский шкаф» глиняными кирпичами. Причем шкаф он где-то достал, а кирпичи изготовил лично, кустарным способом, что отразилось на их форме и цвете. Шкаф превратился в одноразовую вещь – положить уже некуда, вынимать незачем, так что и двери закрывать – только вид портить. Таким способом художник вывел вещи из бытового контекста, лишив их привычного смысла и назначения. Из столь же привычных нам гвоздей, как из элементов-хромосом, выстраивается всё искусство Гюнтера Юккера. С конца 50-х годов XX века Юккер забивает и заколачивает блестящие стальные гвозди в доски, стулья, рояли и делает это так густо, что предметы будто зарастают металлической щетиной. Сосчитать количество гвоздей, использованных этим человеком-молотком, уже не представляется возможным.



(фото Антон Успенский)

Есть и другой, «уроловский» путь для приверженцев изобилия в искусстве – собирательство. Надо полагать, что на финских «блошиных рынках» хорошо знают художницу Вирпи Весанен-Лаукканен – из купленных там открыток она составила огромную ширму-гармошку – «Rose Wall». Причем все открытые письма – б/у, поэтому с одной стороны можно наслаждаться розовым переизбытком, а с другой прочитать до обидного одинаковые поздравления совершенно различных людей, отправленные ими своим горячо любимым родственникам. С деньгами, а еще чаще – с монетами как художественным сырьем работали и работают многие творческие личности. Случай Светланы Тулиной интересен как визуальное остроумие – изящное разоблачение заскорузлого выражения



(фото Антон Успенский)

«денежный перевод». В контексте выставки мэйл-арта, где экспонировался этот коллаж, его оригинальность уцелела – все прочие художники использовали мотив письма либо посылки.

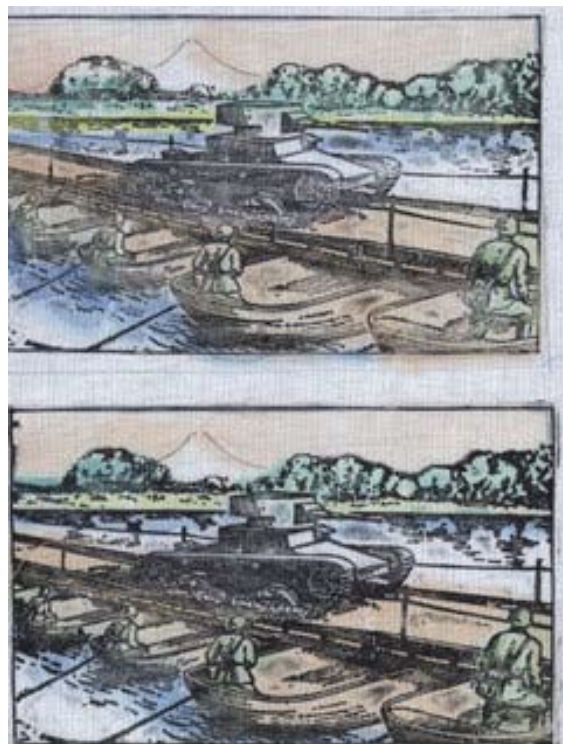
Наибольшего радикализма в работе со множествами достиг Спенсер Туник – деталями его конструктора стали люди. В натурально-первозданном виде они позируют ему среди преимущественно городских ландшафтов. Собственно, художник-фотограф занимается сепарацией урбанистической среды, разделяя ее на архитектуру и жителей, при максимальном обнажении обеих составляющих. Съемка производится ранним утром, около четырех-пяти утра, в теплое время года (хотя несколько человек позировали ему и в Антарктиде). Все участники-добровольцы предварительно подписывают документы об отсутствии всевозможных претензий к фотографу, одевают свободную одежду (следы лямок и резинок Тунику не нужны) и приходят в назначенное место. Быстро раздеваются и ложатся, садятся, поворачиваются – в соответствии с указаниями художника-режиссера. По свидетельству участвовавших в акциях, никакого эротического ветерка там и не возникает. Как (обороны, создатель!) и воспоминаний о массовых репрессиях, появляется лишь необычайное чувство легкости и почти животной невинности – на несколько минут сотни натурщиков освобождаются от запретов цивилизации и морали.



Начинавший как график, Петр Белый в последнее время сосредоточился на инсталлированных сооружениях из множественных предметов, погруженных в обыденность. Инсталляция «Мемориальное макетирование» основывается на использовании материалов, характерных для 1960-х годов. В сопроводительной записке автор написал следующее: «...Куски оргалита, оторванные от старых шкафов и диванов наполняют объект мемориальным содержанием, дырки от старых гвоздей и винтов смотрят на нас с расстояния в тридцать лет. Изнанка жизни – прозрачная бетонная решетка, ритм многозначных номеров, потерявших свое значение и смысл, – памятник нашему постиндустриальному обществу, обществу одноразовой архитектуры».



Художник книги Юрий Александров занимается другой утопией – борется с печатным станком, ротационной машиной и их потомками – компьютерными издательскими программами, т.е. кладет на всё «конец Гутенберга», как и назывался один его выразительный выставочный объект. «Сто видов Фудзи» менее всего относится к образам Хокусая, это некий полиграфический терроризм – производство в одиночку тиражного искусства, коллаборационистский жест профессионального книжного оформителя, вопреки всему и невзирая ни на что.



Суй Цзяньго стал известен после инсталляции «Сон разума». Желание увязать себя с общемировым культурным контекстом, где название офорта Гойи стало сакраментальным, вполне понятно. Замечательно второе, «ревизионистское» название этого китайского произведения – «Made in China». Здесь и комментарии почти не нужны. Разве только стоит обратить внимание на то, что Мао лежит в канонической позе отдыхающего Будды, а толпы ящеров сразу вызывают сравнение со знаменитой терракотовой армией императора эпохи Цинь (во 2 в. до н.э. правитель Шихуанди основал первую китайскую империю и заложил начало Великой Китайской стены). Остальные ассоциации («осень патриарха», «Китай – родина динозавров» и пр.) составляют отличный бонус к художнической литературной установке.

«Искусства должно быть мало» – отчеканил когда-то Сергей Курехин. Его не менее знаменитый современник заметил, что «если бы нас было сто, мы бы пели за круглым столом». Что так привлекает художников в количественных характеристиках, помимо объяснимой тяги к масштабности содеянного? Теория вероятностей подтверждает, что птичьей стае целиком не грозит судьба Серой Шейки, что все пальцы сразу не вывихнуть, что армия полностью не дезертирует. Художник набирает армию – вот куда вербуются стальные гвозди, бумажные открытки, глиняные кирпичи, живые натурщики... Изобилие – оборотная сторона агрессии и здесь художествам не обойтись без рядовых-ратников-воинов, недаром в словосочетании «... за урожай» мы, не задумываясь, произнесём первое слово.

uspensky.narod.ru